

Изъ жизни Н. И. Костомарова въ Саратовѣ.

(Новыя данныя къ его характеристикѣ).

жизни и дѣятельности Николая Ивановича Костомарова писалось у насъ довольно много; однако фигура этого маститаго историка до сей поры далеко еще не очерчена въ полной мѣрѣ, чтобы судить о немъ какъ о писателѣ и какъ о человѣкѣ. Даже написанная съ его словъ Н. А. Бѣлоозерской „Автобіографія“ не даетъ необходимыхъ для того указаній. Въ послѣдней, кромѣ того, встрѣчается не мало промаховъ и ошибокъ, хотя В. И. Семевскій (помѣстившій „Автобіографію“ въ „Русской Мысли“ за 1885 г., кн. V и VI) и увѣряетъ, что г-жа Бѣлоозерская „передала съ полнѣйшей точностью все то, что ей было продиктовано Н. И-чемъ.“ Но трудно этому повѣрить, если сличить данныя сей послѣдней съ изданнымъ вдовой историка въ 1890 году „Литературнымъ наслѣдіемъ“, гдѣ первое произведеніе подвергнуто значительной передѣлкѣ, что, конечно, не могло бы имѣть мѣста, если бы факты были сообщены самимъ писателемъ ¹⁾. Особенно невѣрными свѣдѣніями страдаетъ „Автобіографія“ изъ періода Саратовской ссылки Костомарова. Почему рѣшаемся пополнить этотъ пробѣлъ, на основаніи свидѣтельствъ современниковъ и архивныхъ документовъ.

Прибыль Н. И. въ житницу Поволжья, подъ конвоемъ поручика

¹⁾ Однако нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ считаютъ автобіографію эту документомъ неопровержимымъ. Такого убѣжденія держится профессоръ Юрьевскаго университета Евгений Бобровъ въ своей статьѣ „Матеріалы для біографіи В. А. Бѣлова“ (помѣщ. въ „Сборникѣ учено-литерат. об-ва при Юрьевск. университетѣ“, т. XII, стр. 34—72.

С.-Петербургскаго жандармскаго дивизиона Алпина 24 іюня 1848 г. ¹⁾, въ самый разгаръ холерной эпидеміи, когда по словамъ А. Ф. Леопольдова, „жители мерли, какъ мухи“. Смертность росла быстро. Съ двадцати въ началѣ къ концу іюня дошла она до 600 человекъ въ день. Собравшійся въ дворянское собраніе холерный комитетъ опустилъ руки. Приѣхалъ начальникъ губерніи и говоритъ: „что будемъ дѣлать?“ Страхъ сковалъ умы. Лавки, училища, присутственные дома были закрыты, на улицахъ ни души. Умершихъ отпѣвали вечеромъ, а по ночамъ увозили на кладбище безъ родныхъ и близкихъ. Надъ Саратовомъ стояло какъ бы облако зеленой гари, непрочищаемой вѣтромъ; жара доходила до 40 градусовъ, и чернь въ городѣ была объята такимъ разслабленіемъ организма, что не хотѣла помышлять о какомъ-либо трудѣ—все ей было не мило“ ²⁾.

Конечно, въ такую пору, несмотря на требованія шефа жандармовъ графа Орлова ³⁾ „быть къ нему милостиву“, ибо „человекъ съ достоинствами, но заблуждался и искренно раскаивается“—у саратовскихъ властей не было ни времени, ни охоты заниматься съ присланнымъ по высочайшему повелѣнію политическимъ ссыль-ымъ, хотя бы и профессорскаго званія. Лишь когда жизнь города пошла въ обычную колею, губернаторъ Кожевниковъ обратился къ попечителю Кіевскаго учебнаго округа съ просьбой о высылкѣ формуляра Костомарова для опредѣленія его на службу, согласно высочайшаго соизволенія, „не по ученой части“. А пока ходила о томъ переписка, Матвѣй Львовичъ далъ ему какую-то должность въ своей канцеляріи „по вольному найму“ ⁴⁾.

Отвѣтъ отъ попечителя (отъ 25 ноября за № 6418) былъ полученъ въ Саратовѣ въ началѣ декабря. Тогда Н. И.—ча уже официально назначили помощникомъ старшаго секретаря губернскаго правленія (въ каковой должности онъ былъ утвержденъ приказомъ

¹⁾ Между тѣмъ въ „Автобіографіи“ (стр. 20) приѣздъ Костомарова въ Саратовъ обозначенъ 24 мая въ сопровожденіи жандармскаго офицера фонъ-Альпена. (См. ниже).

²⁾ „Истор. очеркъ Саратова и Пугачевщины“, 1873 г., стр. 62.

³⁾ Изъ хранящагося въ архивѣ Саратов. учен. архивной комиссіи письма его саратов. губернатору М. Л. Кожевникову отъ 11 іюня 1848 г. изъ Стрѣльны, при которомъ былъ присланъ въ Саратовъ Костомаровъ.

⁴⁾ С томъ, какую Н. И. занималъ тамъ должность, въ дѣлахъ архивныхъ и его формулярѣ не сохранилось указаній, вслѣдствіе, очевидно, того, что онъ „исполнялъ ее частно“. По словамъ учителя Безручкова, ему дали мѣсто завѣдующаго казначейской частью, но оказался къ этой работѣ неподготовленнымъ.

по гражданскому вѣдомству 13 января 1849 года). А мѣсяць спустя (14 февраля) ему дали еще мѣсто переводчика при томъ же правленіи. И обѣ должности эти онъ удержалъ за собой до конца своей службы въ Саратовѣ¹⁾, несмотря на свои слабости и недостатки въ служебныхъ отправленіяхъ, за которые (какъ удостовѣряетъ въ „Автобіографіи“ и самъ писатель) ему пришлось вынести не мало неприятностей отъ совѣтника Горохова, „взяточника и мошенника“, обращавшагося съ Н. И.—чемъ довольно грубо. Однажды послѣдній даже сказалъ Костомарову: „удивляюсь, какъ вы могли быть профессоромъ, когда десяти строкъ не умѣете составить“.

Очевидно, отзывъ такой былъ вызванъ служебной халатностью Н. И.—ча и его довольно страннымъ характеромъ, которые могли вывести изъ терпѣнія любого ретиваго начальника.

Какъ указываютъ сохранившіеся журналы губернскаго правленія, послѣ назначенія его 31 марта 1849 г. редакторомъ „Губернскихъ Вѣдомостей“ онъ сталъ чаще игнорировать службу; „рѣдко являлся“ на должность, „отзываясь болѣзнью, отчего дѣлопроизводство газетнаго стола, по предмету своему нетерпящее промедленія, исполнялось не съ надлежащей быстротой“²⁾. Вслѣдствіе этого, 20 октября должность начальника газетнаго стола была передана помощнику секретаря Эрихову, а Н. И. оставляя лишь „исполняющимъ обязанности редактора „Вѣдомостей“, о чемъ имъ объявили своевременно „для сдачи отъ одного другому дѣлъ на законномъ основаніи“. Однако, повѣствуетъ далѣе журналъ губернскаго правленія отъ 31 марта 1850 года, „Костомаровъ сдачи сей до сихъ поръ не произвелъ. Между тѣмъ у него и за симъ составленіе „Вѣдомостей“, а у Эрихова производство дѣлъ газетнаго стола идетъ неуспѣшно; у перваго по тѣмъ же причинамъ, что онъ рѣдко является въ правленіе, а у послѣдняго потому, что онъ имѣетъ и безъ того, по прямой своей обязанности, многосложное производство по ревизіонному столу“; почему губернское правленіе

¹⁾ Что видно изъ его формуляра, хранящагося въ архивѣ Петербург. университета (дѣло № 90 за 1859 г.), а также изъ дѣлъ Саратов. губер. правленія за 1849 г. №№ 33 и 343.—Между тѣмъ въ „Автобіографіи“ (стр. 21) онъ жалуется, что „вслѣдствіе происковъ правителя дѣлъ канцеляріи губернатора Дурасова, „мошенника первой руки“, его вскорѣ смѣнили съ должности помощника секретаря, хотя становится довольно страннымъ, какое отношеніе могъ имѣть правитель губернаторской канцеляріи къ чиновникамъ губернскаго правленія. Должно быть, на склонѣ лѣтъ память измѣнила писателю.

²⁾ Дѣло Саратов. губер. архива 1850 г., № 343.

„признало необходимымъ“ передать обязанности этихъ чиновниковъ другому лицу¹⁾).

И все-таки, несмотря на эти недостатки, какъ Кожевниковъ, такъ и смѣнившій послѣдняго въ 1854 году губернаторъ Игнатьевъ очень благоволили къ Н. И—чу, очевидно не столько преклоняясь предъ его ученой дѣятельностью, сколько вслѣдствіе указаній свыше. Поэтому въ выданномъ въ 1859 г. аттестатѣ Костомарову была сдѣлана отмѣтка, что онъ „къ полученію знака безпорочной службы препятствій не имѣлъ“ и аттестовался „способнымъ и достойнымъ“.

Чтобы, должно быть, загладить свою вину въ смѣнѣ его съ должности редактора „Вѣдомостей“, Кожевниковъ въ слѣдующемъ 1852 году назначилъ Н. И—ча дѣлопроизводителемъ губернскаго статистическаго комитета²⁾. Благодаря чему онъ получилъ свободный доступъ во всѣ мѣстные архивы, давшій ему возможность собрать богатый матеріалъ для „Стеньки Разина“ и по Пугачевщинѣ.

Слѣдовательно, съ первыхъ же дней пребыванія въ Саратовѣ Костомаровъ не могъ нуждаться въ средствахъ, хотя онъ жалуется на это въ своемъ жизнеописаніи,—ибо кромѣ получаемого жалованія (сначала по двумъ должностямъ около 800 р., а затѣмъ съ 1852 г. по тремъ—болѣе 1.500 р. въ годъ) онъ имѣлъ еще нѣкоторые доходы съ воронежскаго имѣнія³⁾. Мало того, нашъ историкъ не брезговалъ извлекать барыши и отдачей денегъ подъ купчія и закладныя.

Въ дѣлахъ упраздненной Саратовской Палаты Гражданскаго Суда намъ удалось отыскать нѣсколько документовъ, указывающихъ на эту его „коммерческую“ дѣятельность.

Сначала оперировала такими дѣлами въ Саратовѣ его мать „капитаньша“⁴⁾ Татьяна Петровна, ссудившая 3 ноября 1849 года

¹⁾ Такимъ образомъ увѣреніе „Автобіографіи“, будто Кожевниковъ смѣнилъ Н. И—ча съ должности редактора за его настойчивость въ дѣлѣ убійства евреями двухъ русскихъ мальчиковъ—является невѣрнымъ, какъ невѣрно и свѣдѣніе о смѣнѣ въ 1855 г. Кожевникова, по тому же дѣлу.

²⁾ Судя по формуляру, должность эту Костомаровъ сохранилъ за собой до 1858 г.—Между тѣмъ въ „Автобіографіи“ назначеніе это указано въ 1855 г. при Игнатьевѣ.

³⁾ По формуляру за нимъ числилось родовое имѣніе въ слоб. Горасовкѣ, Острогж. у., въ 300 дес. земли съ 18 крестьянами муж. пола.

⁴⁾ Судя по этому титулу, Костомаровъ происходилъ изъ дворянъ, или, какъ выражались въ то время официальнымъ языкомъ, былъ „оберъ-офицерскій сынъ“. Между тѣмъ въ выданномъ ему Саратов. губернс. правленіемъ

мѣщанкѣ Печенкиной 1.000 руб. сереб., „за указные проценты“, подѣ залогѣ дома съ дворовымъ мѣстомъ въ приходѣ церкви Св. Пророка Іліи, при чемъ было поставлено въ обязательство, чтобы должница непременно застраховала свой домъ выше занятой суммы, „дабы слѣдующія за оной отъ страха деньги служили ей, Костомаровой, обезпеченіемъ“ и „обязалась въ точности исполнять всѣ условія страхового общества“.

Черезъ три года по стопамъ матери пошелъ и самъ историкъ. Такъ 11 сентября 1852 г. онъ даетъ въ займы провинціальной секретаршѣ Пономаревой 2 тыс. руб. подѣ земельный участокъ въ Петровскомъ уѣздѣ въ 300 десят., годъ спустя (18 сентября) снабжаетъ тысячью руб. купеческую жену Ковалеву по запродажной записи на дворовое мѣсто съ каменнымъ домомъ. Проценты по этому долгу Н. И. получалъ до 23 сентября 1859 года, когда уѣхалъ изъ Саратова въ Петербургъ на кафедру русской исторіи въ тамошнемъ университетѣ. Капитальный же долгъ взысканъ имъ лишь черезъ семь лѣтъ, послѣ предъявленія къ наследникамъ Ковалевой иска.

Потомъ, 3 августа того же 1853 года занимаетъ у него тысячу руб., также подѣ запродажную дома на Армянской улицѣ, капитанъ Муравьевъ. Наконецъ, въ 1854 г. Костомаровъ совершаетъ почти одновременно три закладныхъ: „за указные проценты“. 19 мая на 1.000 руб. съ прапорщицей Гуровой подѣ домъ на Царицынской улицѣ, позади дворянскаго собранія ¹⁾; 23 іюля—на 1.500 руб. подѣ 589 десят. земли въ Новоузенскомъ уѣздѣ прапорщицы Шевыревой, и 27 числа того же мѣсяца—2.500 руб. съ подполковникомъ Иваномъ Александровичемъ Шахматовымъ „подѣ ненаселенную землю“ въ количествѣ 1.130 десят. 305 саж. при рѣчкахъ Хмелевкѣ и Горючкѣ Саратовскаго уѣзда. При этомъ, ограждая свои интересы, историкъ очень искусно связываетъ должниковъ, на случай несвоевременнаго платежа, то неустойками въ размѣрѣ, вдвое превышающемъ сумму долга, то обязательствами—выдать ему на заложенные имѣнія купчія крѣпости.

Послѣдній, отысканный нами въ архивѣ, такого рода документъ относится къ 1855 году, когда у Костомарова заняла 700 руб. подѣ

формуляръ онъ показанъ „изъ купеческихъ дѣтей“. Очевидно, ошибка эта произошла оттого, что его мать была „купческаго происхожденія“.

¹⁾ Въ сентябрѣ этого года Гурова перезаложила домъ матери Костомарова, за 1.500 руб., чтобы уплатить долгъ писателю. Послѣднія деньги были внесены черезъ годъ саратовскимъ гостемъ Як. Пальцеръ, купившимъ у Гуровой домъ.

300 десят. земли въ Новоузенскомъ уѣздѣ жена штабсъ-капитана Ольга Жарская (долгъ уплаченъ 17 октября 1857 г.).

Можетъ быть, были и другіе случаи займа у писателя денегъ, но объ этомъ трудно дознать, такъ какъ въ архивѣ не сохранилось многихъ актовъ послѣдующаго времени. И нельзя поэтому съ точностью опредѣлить, какой доходъ приносили историку всѣ эти операціи. Во всякомъ случаѣ, судя по архивнымъ документамъ и рассказамъ старожиловъ, Костомаровъ, при его скромности и аккуратности, не только могъ безбѣдно проживать въ Саратовѣ, но еще имѣлъ возможность совершать ежегодныя поѣздки въ Крымъ, Петербургъ и даже за границу.

Жилъ онъ въ житницѣ Поволжья, какъ говорятъ, довольно скупо. По словамъ покойнаго директора Саратовской классической гимназіи М. А. Лакомте, навѣщая часто своихъ друзей, Бѣлова, Варенцова, Мордовцевыхъ, Чернышевскаго и другихъ,—Н. И. не отказывался отъ предлагаемыхъ ему угощеній, но у себя принималъ знакомыхъ рѣдко и не охотно, „угощая малиновымъ квасомъ по Домострою“¹⁾.

Даже по „Автобіографіи“ можно замѣтить, что Костомаровъ былъ очень занятъ собою и не любилъ чьихъ-либо противорѣчій. Мнѣ, напримѣръ, рассказывали, какъ однажды онъ едва не поссорился съ Е. А. Бѣловымъ за то, что тотъ не хотѣлъ признать его мнѣнія относительно Іоанна Грознаго.

Лакомте, занимавшій при немъ должность старшаго учителя въ гимназіи, такъ характеризуетъ его:

„Любезностью, готовностью помочь молодому педагогу, начинающему учителю совѣтомъ, какою-либо книгою, нашъ историкъ не отличался. Напротивъ, тогда еще мало знающій²⁾, мало начитанный, я не встрѣтилъ въ Н. И.—чѣ готовности подѣлиться со мною своими знаніями, дать мнѣ указанія по части преподаванія исторіи. Онъ даже отказалъ мнѣ въ прочтеніи дотолѣ неизвѣстной мнѣ „Исторіи XVIII столѣтія“ Шлоссера. А между тѣмъ дѣлалъ мнѣ упреки въ незнаніи нѣкоторыхъ спеціальностей по исторіи“.

Къ сожалѣнію, объ этихъ-то недостаткахъ покойнаго профессора г-жа Бѣлозерская не обмолвилась ни единымъ словомъ въ „Автобіографіи“, несмотря на видимую важность ихъ для уясненія характера, жизни и дѣятельности Костомарова, какъ человѣка.

П. Юдинъ.

¹⁾ Изъ письма ко мнѣ Лакомте отъ 5 декабря 1904 года.

²⁾ Лакомте былъ назначенъ въ Саратовскую гимназію въ 1855 г. прямо изъ Петербург. педагогическаго института.